

Осип БЕС

Родился в 1985 году в Лесосибирске, Красноярский край. В 2001 году переехал в Нижний Новгород, учился в Нижегородском художественном училище и Нижегородском театральном училище.

Работал грузчиком, строителем, археологом, преподавателем рисунка и живописи. Дипломированный фотохудожник, дизайнер.

Автор романа «Стекло» (2010). Издатель и составитель сборника «Плохое время для героев» (2011). Один из основателей мультикультурного Объединения радикального творчества.

Живет в Нижнем Новгороде.

БУНТ

Из-за праздника смену на заводе сократили, и Миша, скомкав заводскую робу, торопливо закинул ее в свой шкафчик. Он с трудом натянул джинсы на взмокшее от работы тело, в душ он не успевал, вдобавок туда уже выстроилось десятка два потных работяг. Достав с полки новые кроссовки, Миша, поразмыслив, аккуратно вернул их на место, в Городе на Празднике могло случиться всякое, а Миша привык беречь свою одежду. Он вытащил из-под лавки берцы, которые только что пинком отправил туда. Но берцы были покрыты слоем ржавой рыжей пыли, протереть их было нечем, только в углу раздевалки под умывальником валялась такая же рыжая половая тряпка, и Миша, смочив ее кончик под струей холодной воды, как мог, почистил обувь.

На проходной его уже дожидался Крокодил. Завидев Мишу, он в два глотка осушил банку пива, которую смаковал в ожидании друга, и зашвырнул банку за угол складского цеха.

– Вот ты жлоб! Мог бы и поделиться, – Миша протянул Крокодилу руку. – Че там Тоха?

– Не ссы, я закалымил сегодня, еще купим, – Крок расплылся в благодной улыбке, судя по которой эта банка была не первой. – Тоха нас дома ждет, у него сегодня смены нет. Там еще пивка возьмем, и в Город.

В том, что Крок сегодня закалымит, Миша не сомневался; ушлый Крокодил, закончив пару лет назад «путьягу», не спешил устраиваться на официальную работу. Он предпочел перебиваться случайными шабашками, но, несмотря на это, деньги у него водились всегда. Где Крокодил находил свои подработки на их крохотной станции Шпалозавод, Миша взять в толк решительно не мог. Видимо, искал их на всем железнодорожном отрезке.

Антон, третий их товарищ, отслужив срочку, трудился дорожным рабочим. Несмотря на нерегулярные смены, работа у него была адская.

Под палящим солнцем или под дождем он, чумазый, плелся за ползущим асфальтоукладчиком, дышал парами горячего асфальтобетона, следил за тем, чтобы смесь ложилась ровно, и мечтал сбежать на контракт, о чем когда-то скупно обмолвился Мише.

Друзья отошли от проходной и зашагали вдоль железнодорожных путей к маячившему среди деревьев поселку. Начало вечереть, и дневная жара спала, пыль осела на листьях, и от нее мутью подернулись блестящие лужицы мазута, только рельсы, уходящие вдаль, чуть дрожали в теплом воздухе, поднимшемся от разогретой за день щебенки.

– Странно, электрички из города нет, – пробормотал задумчиво

Крок, жуя сигарету. – Должна уже быть.

– Ты их наизусть знаешь, что ли? – Миша протянул другу зажигалку.

– Да вот именно, что знаю.

Тем временем они свернули влево от железной дороги и по тропинке, меж жестяных заборов, направились к одиноко торчащей из кустов Тохиной пятиэтажке. У подъезда выпивали несколько незнакомых мужиков, и Саня, сосед Антона по лестничной клетке, который издали заметил их и призывно замахал рукой:

– Пацаны, выпьете с нами? Серый, налей пацанам.

Серый полез за бутылкой под лавку, но Миша остановил его:

– Не, мы на Праздник. Там ментов будет как грязи...

– Ты за себя, Мишаня, говори, – возмутился Крок, – за Праздник и выпьем!

– Это по-нашему! – Саня разлил водку, весело крякнул и выпил не закусывая, отстранив протянутую ему Серым краюху ржаного хлеба. Кадык прыгнул на мощной шее, но Саня даже не поморщился. При его комплекции он бы и ведро запросто осушил. Проблема состояла в том, что пил он как раз ведрами.

Здоровый, под два метра ростом, Саня обладал добродушным до наивности характером, был отзывчивым и доброжелательным ко всем, кого встречал. У него была жена Марина, хрупкая девушка с огромными карими глазами, с которой они дружили, как говорится, с первого класса. Марина родила Сане двоих таких же белобрысых, как и он сам, пацанят, старшему было семь, а младшему четыре. В сущности, Саня был отличным парнем, но беда заключалась в том, что Саня пил. Не выпивал, а именно пил, страшно, по-черному.

Он мог бухать месяцами, опускаясь до скотского состояния. Грязный, заросший щетиной, он бродил по улицам в компании таких же забулдыг. Нередко Антон притаскивал его бесчувственное тело домой. Марина любила мужа и терпела, хотя, кажется, все вокруг крутили пальцем у виска.

А Саня выходил из запоя, слезно молил ее о прощении, и она прощала. Тогда он начинал работать, работал как вол и внешне вола напоминал. Огромный, выгнув спину и уперев ноги в землю, он вытаскивал семью на себе из любых трудностей. Появлялись деньги, глаза Саниных мальчишек наполнялись радостью, в жизни Марины наступала светлая полоса. Но время шло, проходил год-полтора, и внутри у Сани словно лопалась натянутая донельзя струна. Все повторялось сначала, он камнем падал на дно.

Сейчас, судя по слегка испачканной футболке, Санин запой только начался.

Из подъезда вывалился Антон, с подозрением оглядел Саню и спросил:

– Ты тоже едешь? С семьей?

Саня что-то утвердительно промычал, но Антон уже перевел внимание на Крока:

– Мы на «собаку» не опоздаем?

– А ты чо, на войну собрался, срочник? – насмешливо отозвался вопросом на вопрос Крокодил.

Антон был одет в камуфляжные штаны уже устаревшей расцветки «Флора» и в начищенные до блеска берцы.

– Я тоже берцаки обул, – встрял в разговор Миша, – все ноги на салюте оттопчут.

– Пролетарии соединяются! – презрительно хмыкнул Крок и смахнул пыль со своих лакированных туфель листом лопуха.

Электричка оказалась на удивление пустой. Саня с семьей расположился на двух сиденьях впереди и с завистью поглядывал на два соседних, задних кресла, на которых развалились Антон, Миша и Крок и лениво потягивали пиво.

– Билетики оплачиваем! – В вагон буквально вдавилась массивная тетка-контролер.

– Нам три от Рекшино, – полез за деньгами Крок.

– Щаз, от Рекшино! Вы от Шпалозавода едете, – тетка стала грозно нависать над Крокодилом, но вдруг обмякла, ее готовность к скандалу сменилась странной апатией. – Хотя мне насрать, только пиво уберите.

Тетка взяла деньги и поплыла дальше по коридору. Крок посмотрел ей вслед и пожал плечами:

– Ладно, я в сортир пойду, курну. Кто-нибудь хочет?

– Какой курну? Приехали уже, – Антон закрыл полторашку и спрятал в пакет.

– Ну, как хотите, – Крок отобрал у Антона пакет с пивом и направился в первый вагон.

Ехать действительно оставалось совсем чуть-чуть, одна остановка перед мостом, мост и приехали – Город. Но вдруг электричка начала медленно сбавлять скорость, не доехав до станции, а потом и вовсе остановилась.

Вернулся озадаченный Крок.

– Слушайте, там, говорят, мост перекрыли. Авария какая-то на заводе.

– На каком еще заводе? – проворчал Миша, оценив, что пакета с пивом у Крокодила уже не было.

– Да откуда я знаю? Тут этих заводов... куда ни плюнь, везде завод, – разозлился Крокодил и сплюнул прямо на пол.

– У моста – Цементный, – подал голос со своего места Саня. – Может, там?

– Может, и там.

Мимо пробежал патлатый парнишка с гитарой: он недавно пел песни у них в вагоне.

– Эй, друг, погоди! – окликнул его Антон. – Что там стряслось, не знаешь?

– На Цементном что-то рвануло. Люди погибли, – бросил через плечо паренек, собираясь бежать дальше.

– Да ты погоди, постой! Когда поедем?

– Куда поедем? – Паренек все-таки остановился. – Мост перекрыли.

– Ну и? Чинят там его, что ли? Кто перекрыл-то, МЧС?

– Да какой МЧС? Работяги его перекрыли, работяги! – раздраженно бросил патлатый, вновь порываясь уйти.

– Стой, а ты куда? – успел крикнуть Крок парнишке в спину.

- Мужики последний вагон открыли, пойду, посмотрю, – отозвался тот, хлопая дверьми.
- Та-а-ак, че делать будем? – нарушил Миша повисшее молчание.
- Подождем, – неуверенно пробормотал Крокодил, – может, поедем...
- Никуда мы на хрен не поедем! – зло оборвал его Антон. – Сколько нам тут куковать? Пиво еще все выжрал, упырь!
- А че тогда водила двери не открывает?
- Я знаю, что ли?
- Все опять замолчали, уставившись в окно, за которым безучастно зеленели поля и копошился вдалеке одинокий трактор.
- Чему там взрываться? Цементу, что ли? – буркнул невесело Миша, вновь отгоняя тишину.
- Дох хрена чему... – откликнулся Саня и, поперхнувшись под гневным взглядом Марины, продолжил: – Там печи. Я устройства не знаю, но есть чему взорваться.
- В наше время и пирожки с рынка взрываются, – философски заметил Крокодил.
- В жопе они у тебя взрываются! Я вот чо предлагаю, – Антон поднялся, – пойдем, поглядим, что там происходит. Если движение пустят, то на эту же «собаку» прыгнем.
- Пойдем, поглядим, – начали подниматься со своих мест все остальные.

Проходная Цементного завода находилась недалеко от станции, и возле нее уже собралась приличная толпа, но люди продолжали прибывать, заполняя собой платформу и маленькую площадь напротив нее, а некоторые зеваки беспрепятственно бродили по железнодорожным путям. Там же стояло несколько патрульных автомобилей, «пазик», машины скорой помощи и МЧС. Кое-где пути преграждали пластиковые отбойники, видимо, наспех выставленные на рельсы. Дальше виднелась стальная громада моста.

Кругом была неразбериха, мелькали оранжевые жилетки железнодорожников, каски рабочих, фуражки полиции. У проходной начинался импровизированный митинг, оттуда доносились то одобрительные, то полные негодования выкрики. Рядом, перекрывая ворота, стоял желтый фронтальный погрузчик, угрожающе направив во вне завода зубья стального ковша. Несколько рабочих забрались к нему прямо в ковш и время от времени принимались оттуда что-то скандировать.

Друзья, наконец добравшись до станции, влились в толпу.

– А что случилось, не знаете? – обратился Миша к мужику, что курил неподалеку.

– Баллоны с газом взорвались, полцеха обвалилось.

– Понятно... – протянул Миша. Отсюда видимых разрушений заметно не было, но завод был большой, и, судя по всему, взрыв произошел глубоко на его территории. – А баллоны почему взорвались?

– Халатность руководства, – мужик кинул окурочок на землю и притоптал ботинком. – Оно и понятно, разворовали все, суки! Заводы старые, оборудование еще советское, все разваливается, а мы ишачим за копейки, жизнью рискуем. Я со Стекольного сам, у нас тоже в прошлом месяце мужика завалило, балка рухнула.

Миша согласился с ним, подумав, что если на его родном Шпалозаводе рванут, к примеру, цистерны с мазутом или пропиткой для шпал, то от него, Миши, не останется даже костей. Вслух же спросил:

– Чего хотят? Какие требования?

– Да какие тут требования? – вздохнул мужик. – Безопасности хотят, чтоб технику соблюдали, условий нормальных, зарплату вовремя. Мы все этого хотим. Я вот тоже поддержать пришел, рабочие наши тоже здесь. Все одного хотят.

Вдруг из-под локтя у мужика вынырнул весьма колоритный старичок. На голове у него красовалась фуражка с кокардой в виде двуглавого орла, на плечи был наброшен френч цвета хаки, весь увешанный сомнительными наградами, синие галифе с красными лампасами и хромовые сапоги дополняли образ. Старичок тут же влез в разговор.

– Жиды! – погрозил он пальцем неизвестно кому. – Жиды царя-батюшку свергли, и нет с тех пор России покоя! На деньги иудейских курьеров...

– Игнатич, – как от зубной боли, скривился мужик со Стеклозавода, – тебя тут только не хватало. Шел бы ты отсюда. Это сумасшедший местный, – пояснил стекольщик уже для Миши, – ходит по проходным, за царя агитирует. Он безобидный, забавный даже.

Игнатич снова поднял вверх кривой палец, но, видимо, не найдя, что сказать, развернулся и, нахохлившись, заковылял сквозь толпу.

Миша уже заметил, что на митинге присутствуют не только рабочие местных предприятий и жители окрестных поселков, но и политические активисты. Собирались ли они помочь в сложившейся ситуации или же просто хотят попиариться на трагедии, было не совсем понятно.

К нему подошла девушка с красной повязкой на рукаве короткой кожаной куртки и протянула листовку. Заглянув в нее, Миша прочитал заголовок: «Нация, Родина, Социализм!», сложил листовку вдвое и сунул в карман, надеясь ознакомиться с ее содержанием позже. Он совсем потерял из виду друзей, но, повертев головой, вскоре заметил Саню; тот держал на плечах обоих своих пацанов, возвышаясь над толпой.

– А кто, блин, виноват, по-твоему?

О чем-то горячо спорили Тоха с Крокодиллом, стоя рядом с Саней.

– Кадры на местах, ответственные.

– То есть ты считаешь, что какой-то там дядя Вася, которому эти баллоны поручили стеречь, виноват? – напирал на Крока Антон. – А то, что ему эти баллоны гнилыми привезли, роли не играет? Потому что купили гнилые, а хорошие продали, разницу в карман, а дядя Вася крайний. Вон Мишаня не даст соврать, он такой же работяга. Нужно тебе, например, гайку на двадцать затянуть, а ключ у тебя только на двадцать два есть, и тот ржавый. Завхоз ключи на двадцать на металлолом сдал, к примеру. Ты гайку затянешь кое-как, а потом поезд с рельсов сойдет, кто крайний?

– Ну а че ты хотел, Антоха? Своими мозгами надо жить. Почему кто-то за тебя отвечать должен? Завхоз ключи продал, любовнице шубу справил, а у тебя ни ключа, ни любовницы. Расклад такой. Свой, значит, надо ключ иметь, пойдешь, купи и крути на здоровье свои гайки.

– А если денег нет, то у соседа укради? У всех у вас одни схемы, и у тебя тоже. А если мы так не умеем, то в утиль нас теперь? Что если бы мы с Мишаней, – Антон посмотрел на Мишу, а затем в сторону завода, – сейчас там лежали, ты бы так же говорил?

– Ну че ты, Тоха, передергиваешь? – занервничал Крок. – Не мы такие – жизнь такая.

– Нет, дружище, – Антон внимательно посмотрел на него, – мы такие. Именно мы.

Тем временем у проходной началось какое-то движение. Туда, непрерывно сигналив, сквозь толпу втиснулась «ГАЗель» с откинутым справа тентом. На борту висела растяжка с надписью «Союз профсоюзов», и пара красных флагов была примотана к каркасу кузова. Несколько красных знамен появилось в толпе вокруг автомобиля.

В это время и в рядах полиции произошло шевеление. До этого момента полицейские не вмешивались в происходящее. То ли выжидая, то ли опасаясь последствий, они сосредоточились на железнодорожных путях и по краям площади. Но сейчас в распоряжение полиции поступило еще два автобуса ПАЗ; кто в них сидел, несложно было догадаться по наглухо задернутым шторам. Перегораживая собой подходы к мосту, «пазики», кряхтя, остановились.

Миша с улыбкой отметил, что назойливый Игнатич тут же поспешил туда – агитировать за царя-батюшку.

Стемнело, и «ГАЗель», и происходящее вокруг подсветили прожектором. Из кузова, наспех превращенного в трибуну, зазвучали вполне безобидные лозунги и обещания: «Мы найдем, мы накажем виновных, семьям погибших выплатим, условия труда улучшим», впрочем, слова эти собравшимися были встречены холодно и без энтузиазма.

– Сейчас перед вами выступит представитель администрации завода Шендерович Герман Яковлевич, – объявил делегат от фракции профсоюзов, мужичок в красной рубашке.

– Это кто такой? Где директор? Хозяина давай! – тут же раздались недовольные возгласы.

– Я, в свою очередь, обещаю... – начал было Шендерович.

– На хрен пошел, обещалкин! – грубо оборвали его из толпы.

– Мужики, нам тут в уши ссут! – из ковша погрузчика поднялся худой работяга в оранжевой каске и такой же грязной оранжевой жилетке. Погрузчик загудел и приподнял ковш, поднимая оратора повыше.

– Нас здесь слушать не хотят!.. А ну дай сюда! – Рабочий перевесился вниз через кромку ковша, произошла заминка, но он снова поднялся, размахивая красным флагом. – Надо в Город идти! В администрацию!

– Что вы себе позволяете? Прекратите безобразничать! – взвизгнул Шендерович, но просвистевшая у него над головой бутылка заставила профсоюзников спешно убрать его с трибуны.

В этот момент створчатые двери «пазиков», отворяясь, хлопнули, и оттуда нестройно высыпались три-четыре десятка омонцев.

– Сюда идите, черти камуфляжные! – злорадно завопили в толпе.

Но омонцы лезть в толпу не спешили, силы были слишком неравны, только на краю платформы произошла незначительная стычка. ОМОН попытался похватать стоящих с краю зевак, но митингующие легко отбили своих, заставив ОМОН отступить, и сами отхлынули назад.

А под фонарем, на месте короткой свалки, осталось лежать маленькое, странно изломанное тело в хромовых сапогах.

– Игнатича убили, – прошептал кто-то рядом.

«Началось», – подумал Миша, а Саня опустил своих пацанов на землю и подтолкнул их к Марине.

– За детьми пригляди, – сухо проговорил он.

Черная вода шумела внизу. Река безразлично облизывала невидимые камни обоих берегов, связанных сталью и бетоном железнодорожного моста. На другом берегу сиял яркий и разноцветный, праздничный

Город, а по мосту к этому свету молча шли люди и железные арки над их головами терялись во тьме.

Рядом с Мишей, сдвинув брови, шагал Антон, еле различимое в темноте лицо его было угрюмым, поминутно он доставал из кармана путевой костыль, железнодорожный гвоздь с квадратным сечением, сжимал в кулаке и клал его обратно. Чуть впереди, приплясывая от нетерпения, маячил Крокодил. А перед Кроком виднелись вереницы хмурых, сосредоточенных спин, и все они, покачиваясь, двигались к Городу. И его спина, почувствовал Миша, гудела в унисон от напряжения вместе с остальными такими же спинами.

На станции все случилось очень быстро. Омоновцы, не успев построиться в кольцо, приняли удар, сбившись в кучу. Замелькали дубинки и кулаки, несколько рабочих покатались по земле, несколько отползли в сторону. Толпа попятилась, но, взревев, бросилась вперед уже всей своей массой, давя и разбрасывая в стороны камуфляжных недругов. Полицейские, державшие оцепление у походов к мосту, увидев происходящее, под всеобщее улюлюканье пустились наутек. Их никто не догонял, люди лишь едко насмеялись над ними. Один из мешавших проходу «пазиков» сбросили с железнодорожной насыпи вниз, второй раскачали и перевернули.

Миша заметил Саню, тот сидел на бордюре, обхватив голову руками, а между сомкнутых пальцев сочилась кровь. Марина суетилась возле мужа, и двое его пацанят испуганно жались к отцу. Миша постарался протиснуться к ним, но людской поток уже подхватил его и поволок за собой.

Веселая удаль от первой легкой победы сменилась теперь мрачной решимостью. Люди, входя на мост, поднимали камни, набивали щебенкой карманы, рабочие заводов, сжимая обрезки арматуры, поправляли свои оранжевые каски. Общее молчание нарушали лишь короткие матюги и невнятное злобное бормотание.

Топот множества ног резонировал между арками повисшего в черной пустоте моста. Казалось, что там, за покрытыми ржавою грязью перилами, попросту ничего нет, громады опор утопают в бездонной пропасти, а ветер, взмывавший оттуда, приносит с собой вековой холод зияющей за оградой бездны. Переправа между мирами скрипит, а по ней колоннами, покинув свой берег, бредут путники, ища света на другом берегу. И стационарные фонари за спинами уходящих печально моргают им в след.

Чем ближе люди подходили к краю моста, тем становилось светлее. Город сиял на вершине холма, и черная вода отражала его бесчисленные улицы. Склоны холма были усеяны тысячами праздничных фонариков, а у подножия возвышался ослепительный белоснежный храм, похожий на инопланетный звездолет, готовый немедленно взмыть в безграничные небеса и мчаться в них, окруженный мерцающими созвездиями.

На деле же вокруг храма отчаянно моргало проблесковыми маячками скопище патрульных автомобилей, автобусов и грузовиков внутренних войск. Фонили, готовясь, перегруженные матюгальники, хрипло влаивали сирены. Последний, отделяющий людей от Города пролет моста перегородили омоновские цепи. Они, сливаясь в сплошную серую баррикаду из щитов и дубинок, словно пробка в горле бутылки, закупоривали проход.

Щиты лязгнули, и серая баррикада обросла алюминиевой чешуей.

– Не хотят нас на Празднике видеть! – ощерился Крок, повернувшись к Мише, и подкинул на ладони заготовленный заранее обломок кирпича.

Миша сглотнул скопившуюся во рту слюну. Между живой баррикадой и первыми, вставшими в нерешительности, рядами рабочих оставалось не более пятидесяти метров. Но люди продолжали напирать, сбиваясь в плотную раздраженную массу, зажатую в слишком узком для них пространстве.

– Ты туда посмотри, – ткнул Мишу локтем Антон и кивнул в сторону противоположного берега, – мы же им картинку испортим своими рожами. Это не для нас Праздник устроили. Да и Город будто бы и не наш.

Там, за спинами омовцев, за мигалками и щитами, вся в огнях, лежала нарядная набережная. Меж летних кафе и лотков с мороженым сновал праздничный люд, доносилась, пробившись сквозь лаянье сирен, приятная музыка.

– Это наш город, – упрямо шаркнув подошвой берца, процедил в ответ Миша.

– Это наш город, – прошептал рядом рабочий в испачканной маслом спецовке.

Вдруг из толпы вылетел камень и звонко стукнул в щит крайнего справа омовца. Его сослуживцы мгновенно сменили строй. Первый ряд, опустившись на одно колено, выставил перед собой чешуйчатый забор, последующие ряды накрыли коллег алюминиевым панцирем.

Еще несколько камней и кусков щебня забарабанили в щиты, но не причинили видимого вреда. Толпа недовольно загудела, затем разом качнулась и шагнула вперед. Гул нарастал, перемежаясь гневными выкриками. В этот момент что-то хлопнуло над мостом, и в грохоте утонули все посторонние звуки. Ночное небо взорвалось красными и желтыми искрами и распустилось цветами над головами застывших в изумлении людей, над сферами готовых обороняться омовцев.

Собравшиеся на мосту замерли, подняв глаза к небу, а их одуревшие от вспышек тени метались между ними стараясь привести в чувства своих хозяев. Но их замешательство было недолгим, толпа вновь пришла в движение, и залпы салюта осветили искаженные злобой лица.

Пляска света и тени, грохот праздничной канонады, предупредительное тьяканье мегафонов – все превратилось в большую и бредовую фантазмагорию. Кривлялись и мельтешили фигуры, гроздя искр, вспыхнув, шипя, осыпались в воду, вздрагивала под ногами стальная громада моста.

Миша посмотрел на друзей. Крок примерялся, куда зашвырнуть свой обломок кирпича, по его лицу бродила шкодливая, почти озорная улыбка. Лицо Артема было спокойно, он окончательно достал из кармана костыль и крепко сжимал его в кулаке, держа острием вниз.

Миша зажмурился, успев подумать, что правильным решением было не обувать сегодня на Праздник кроссовки, и снова открыл глаза, чувствуя, как закипает внутри потаенная доселе там ярость, подкатывает к самому горлу и вместе со всеми толкает его вперед.